

АНДРЕЙ А. ФАУСТОВ,
GABRIELA LEHMANN-CARLI (Hrg.)

**Anthropologische Konzepte in der russischen
Kultur und Literatur (18.–19. Jh.)**

**Антропологические концепции в русской
культуре и литературе (XVIII–XIX вв.)**

Wissenschaftlich-technische Redaktion: Hilmar Preuß

Halle (Saale)

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Inhalt/Содержание

G. Lehmann-Carli (Halle), A. A. Фаустов (Воронеж)

Vorwort/Предисловие

Anthropologische Konzepte in der russischen Kultur und Literatur (18.–19. Jh.)

Антропологические концепции в русской культуре и литературе

(XVIII–XIX вв.) V

H. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург)

«Essay on Man» А. Попа в русских переводах 1

G. Lehmann-Carli (Halle)

Nikolaj Michajlovič Karamzin als „Bruder Ramsay“ im Kreise der Moskauer

Freimaurer und Aufklärer und seine Affinität zu Johann Caspar Lavater 11

H. Preuß (Halle)

Marija Vasil'evna Suškova (1752–1803) – soziokulturelle und anthropologische

Aspekte der Entwicklung einer der ersten russischen Literatinnen im 18. Jh. 53

Л. О. Зайонц (Москва)

Семен Бобров: поэтика метаморфизма (к анатомии ландшафта) 83

Е. Погосян (Эдмонтон)

«О законе своем и сами недоумевают»: народы России в этнографических

описаниях, составленных и изданных в 1770–1790-е гг. 97

А. И. Иваницкий (Москва)

Об истоках пушкинского гедонизма: «инферно» и история 111

А. А. Фаустов (Воронеж)

«Маленький человек» в русской литературе: набросок биографии 151

Halle (Saale) 2008

Gedruckt in der Druckerei der Martin-Luther-Universität
Halle-Wittenberg

ISBN 978-3-86829-054-7

Е. Погосян (Эдмонтон)

**«О законе своем и сами недоумевают»:
народы России в этнографических описаниях,
составленных и изданных в 1770–1790-е гг.**

«При Петре Великом, – писал Пыпин в своей «Истории русской этнографии», – положено было начало изучением географическим. <...> Задача, данная от самого Петра его первым «навигаторам» – отыскать, сошлась ли Азия с Америкой, – весьма характерно указывала, что Россия в эту сторону не знала конца своих владений»¹. Двумя десятилетиями позднее, при Анне Иоанновне был устроен «этнографический» маскарад, центральным событием которого была свадьба шутов в Ледяном доме, и в котором участвовали специально привезенные в Петербург «народы»². Из переписки организаторов этого маскарада с «де сианс академией» видно, что во многих случаях ни та, ни другая сторона не располагала сколько-нибудь определенными сведениями даже о том, «в чем ходят, <...> на чем и на каких скотах ездят <...> мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, куты, чапчадалы <камчадалы, – Е. П.>, отяки, мунгалы, башкирцы, киргизы, лопани, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные, и прочие, какие есть, *подданные российские*»³. Отсутствие точных известий не помешало, однако, придворным идеологам сделать этнографическую тематику важной частью официальной культуры⁴. Напротив, именно неопределенность сведений о том, до каких пределов простирается империя и что происходит на ее окраинах, определила ситуацию, в которой любое этнографическое описание неминуемо получало статус идеологического сочинения. К середине XVIII в. представление о том, что Российская империя есть обширное пространство, в «центре» которого расположен островок цивилизации, окруженный находящимися в постоянном движении «дикими» племенами, было широко распространено⁵. Волны «просвещения» (в первую очередь, христианства) расходились от центра, не всегда достигая окраин.

¹ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. Т. 1. СПб., 1890. С. 95.

² Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 9–272, здесь с. 158; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санктпетербургском Сенатском архиве за XVIII в. Т. III. 1740–1762. Сост. П. Баранов. СПб., 1878. № 7265.

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1887. С. 276.

⁴ Погосян Е. «И невозможное возможно»: свадьба шутов в Ледном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 2001. Т. IV. С. 90–109.

⁵ Это представление является одной из типологических черт самоописания «империи» (Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 145 и след.), и было широко распространено в пределах «славянского мира» в XVI–XVIII вв. (указания на него неоднократно встречаются в материалах, собранных Мыльниковым (Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. СПб., 1996. С. 95 и след.).

Во второй половине века этнографическая тематика в официальной культуре интенсивно разрабатывается, теперь распространение цивилизации от центра к окраинам империи ведет в тому, что «народы» постепенно становятся (или станут в самом ближайшем будущем) *россиянами*.

Так, сама императрица в письме Вольтеру, написанном 29-го мая 1767 г. из Казани, говорила о том, что подданные ее так различны между собой, что в некоторых случаях невозможно найти между ними ничего общего: «Теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, совершенно несходных между собою. Надобно, однакож, дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно найти очень хорошие начала, но детали... <...> Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!»⁶. Речь в письме, конечно же, шла не о наряде, который сможет служить нуждам каждого из ее подданных, а о составлении единого для всех *свода законов* – нового Уложения.

Херасков в своих панегирических одах формулирует идею единообразия подданных императрицы более конкретно – как обретение ими единого *имени*, и как составление из них единого *братства*:

И все бы нареклись народы
Российским именем одним⁷.

Единым братством были б чтимы
Полночны жители тогда⁸.

Потемкин, который лучше других знал, как угодить императрице, в частном письме к ней писал в 1790-м г. о любимом внуке Екатерины, Александре: «Первенец из птенцов орлих уже оперился, скоро, простря крылья, будет он плавать над поверхностью, окажется ему Россия как карта пространнейшая, увидит он распространение границы, умножение армий, флотов и градов, степи заселенные, народы, оставившие *дикость* <...>. Представится ему *семья безчисленная собратий*, ибо ты мать своих подданных»⁹. Превращение в россияна для Потемкина, как мы видим, связано с тем, что народы *оставили дикость* и стали «собратьями», у которых «едина вера, царь, язык». «Преображение разных народов в единое целое, – пишет А. Зорин, – это задача империи <...>. Стремление Потемкина заселить вверенную ему Новороссию выходцами из разных краев становится символом грядущего единения народов в новых провинциях Российской империи. Ва-

вилонский грех здесь преодолен, и все народы соединяются, замыкая под российской эгидой исторический круг всемирной цивилизации»¹⁰.

Описание империи и ее жителей было одной из важнейших задач в деятельности Императорской Академии наук. «Предприняты были, – пишет Пыпин, – исследования северо-восточного края Азии и Камчатки экспедициями Беринга, Стеллера и Крашенинникова; далее большая северная экспедиция для топографической съемки всего северного берега Сибири; далее сибирская экспедиция Миллера и Гмелина-старшего, к которой относятся также труды академика Фишера; наконец, замечательные экспедиции шестидесятых и семидесятых годов <...>, где работали знаменитый Паллас, Георги, Фальк, Гильденштедт, Гмелин-младший, затем русские ученые, как Лепехин, Озерцовский, Иноходцев»¹¹.

Описания, которые публиковались участниками той или иной экспедиции, носили региональный характер: тут приводились геологические сведения, данные о флоре, фауне, и, разумеется, местных жителях, укладе их жизни, языке, верованиях, исторические сведения об их расселении и отношениях с соседями, вступлениях в российское подданство и проч. Именно так готовились и вопросники, например, вопросник, который составлял еще Татищев, включал вопросы о воздухе, водах, положении земли (горах, пещерах), «внутренних землях» (глинах, песках и проч.), растениях, животных, «жителях или народах»¹².

Описания народов в составе таких отчетов о путешествиях не были концептуальными, то есть не толковали о различиях в уровне «цивилизованности» разных этнических групп, причинах и динамике их развития, в каком бы направлении оно ни шло. Основной причиной такого равнодушия академиков к возможности рассуждать о судьбах народов, населяющих Российскую империю, следует, видимо, считать перефирийный характер этнографических описаний в составе отчетов о путешествиях и экспедициях. Такие описания были подчинены более универсальным концепциям, объяснявшим, например, влияние климата и почв на природу и население той или иной территории.

Тем не менее, задача составить всеохватывающее описание жителей империи, которое бы наглядно демонстрировало влияние цивилизации на дикарей и свиде-

¹⁰ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 107.

¹¹ Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 99–100. См. о сибирских экспедициях напр.: Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Herausgegeben von W. Hintzsche im Auftrag der Franckeschen Stiftungen zu Halle und des Archivs der Russischen Akademie der Wissenschaften St. Petersburg. Bd. I: Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente 1740. Bearb. von W. Hintzsche, T. Nickol und O. V. Novochatko, Halle 2000; Bd. II: Georg Wilhelm Steller / Stepan Krašennikov / Johann Eberhard Fischer: Reisetagebücher 1735 bis 1743. Bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von T. Nickol, O. V. Novochatko und D. Schulze. Halle 2000; Bd. III: Georg Wilhelm Steller: Briefe und Dokumente 1739. Bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von T. Nickol, O. V. Novochatko und D. Schulze. Halle 2001; Bd. IV, 2: Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe. Bearb. von W. Hintzsche in Zusammenarbeit mit N. Ochotina Lind und P. U. Möller unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel und B. Meister. Halle 2004; Bd. V: Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1. Hälfte 1743. Akademiegruppe. Bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel und O. V. Novochatko. Halle 2006.

¹² Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 36–37.

⁶ Voltaire and Catherine the Great. Selected Correspondence. Translated, with commentary, notes and introd. by A. Lentini. Cambridge, Eng., Oriental Research Partners, 1974. P. 48.

⁷ Херасков М. М. Ода <...> Екатерине Алексеевне <...> на устанавливаемые вновь премудрые законы и на преславные дела <...>. [М.], [1767]. Ненумер.

⁸ Херасков М. М. Ода <...> Екатерине Алексеевне <...> которою приносит при заключении с Оттоманскою Портою торжественного мира всеподданнейшее поздравление <...>. Спб., [1774]. Ненумер.

⁹ Екатерина II и Г. А. Потемкин: личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 344.

тельствовало бы об их превращении в «россиян», оставалась нерешенной. Власти определенно ожидали от Академии составления именно такого труда¹³. Так, в 1778 г. при Академии наук была напечатана «программа», которая была озаглавлена «Начертание общего топографического и физического описания Российской империи, предприятия Императорскою Санктпетербургскою Академиею наук». Частью этого проекта должна была стать «Древняя история России и народов издревле в ней обитавших, также внутри оной поселившихся» с «особенным описанием каждого народа». «Преуведомление», подписанное директором Академии С. Домашневым, представляет для понимания того, каким был «правительственный заказ», особый интерес.

«Преуведомлению» Домашнева в «программе» была предпослана заставка, на которой императрица, сидя перед столом с циркулем, разделяет по карте Россию на губернии. То есть описание империи, которое должны были составить академики, было задумано как иллюстрация, которая должна была показать плоды деятельности Екатерины II по «устроению» Российской империи и унификации административного деления. Домашнев специально подчеркивает, что «области», которые в тот или иной исторический период были присоединены к России, тогда же были «приобщены к ее счастью». «Летописи сей монархии не представят <...> ни одного периода, – пишет он, – в коем бы ея сила и щастие *возрастали и столь быстро*, и столь выгодно, как ныне. <...> Границы ея ознаменованы трофеями <...>. Ум народа распространен <...>, разум его просвещен учением; чувствования очищены воспитанием; восторг, в упоении только щастия людей пленяющий, чувствителен нам.» В конце же он обращается к Академикам: «От вас зависеть будет, Государи мои, внушить мне сочинением вашим изречения, с коими я представлю труд ваш пред очи Всеавгустейшей Нашей Покровительницы.»

«Древняя история России», с «особенным описанием каждого народа», таким образом, должна была продемонстрировать императрице, что ее установления привели к быстрому, происходящему прямо на глазах «просвещению» и «воспитанию» народов, показать «особенные перемены, случившиеся с подвластными России народами». Гравюра, помещенная тут же, показывала, о каких «переменах» шла речь: прямо на карте Российской империи были изображены Алеутские острова, на них – развалины языческих храмов и обломки идолов, а рядом алеуты, занятые различными промыслами¹⁴. Алеуты, как хотели показать составите-

¹³ Следует заметить, что академики вовсе не всегда спешили выполнить правительственный заказ таким образом, чтобы власти остались довольны, хотя речь, конечно же, не шла и о том, чтобы выказывать какое-либо неуважение к властям. Так, Готлиб-Зигфрид Байер, книга которого об Азове (1738) хронологически была определенно связана с победами России в Турецкой войне 1735–1739 гг., закончил свое сочинение рассказом об оставлении Азова при Петре Великом, как будто поражением 1711 г. военные действия против Турции и ограничились. Книга, таким образом, оказалась рассказом о блистательных военных успехах и досадных неудачах Петра, а вовсе не о деятельности Анны Иоанновны ([Байер Т. З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения одного под российскую державу. СПб., 1738. С. 229 и след.).

¹⁴ Начертание общего топографического и физического описания Российской империи, предприятия Императорскою Санктпетербургскою Академиею наук. СПб., 1778. С. 3–12.

ли программы, оставляют язычество, становятся христианами, а вместе с христианской верой они обретают и другие плоды цивилизации.

Годом ранее в Петербурге было закончено печатание трехтомного труда академика Иоганна Готлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов»¹⁵. Книга вышла одновременно на немецком, французском и русском языках. Это было первое сводное этнографическое описание всех жителей России¹⁶. Оно было составлено, как указывал сам Георги, из сведений, которые были включены в описания отдельных территорий, изданных ранее. «По собственному его сознанию», – сообщает предисловие, книга была составлена из описаний «советника Миллера, путешествия по Сибири Иог. Гмелина, г. Крашенинникова о Камчатке, г. Штеллера об оной же, из Фишеровой Сибирской истории, из Топографии Оренбургской Петра Рычкова и его же Казанской истории, из путешествия Самуила Гмелина по России, из путешествия г. Палласа, <...> г. Лепехина» и т.д. При этом Георги придерживался «как можно ближе повествовательной истины, при сохранении всевозможной краткости», и при том короче¹⁷. Сочинение Георги, без сомнения, должно было послужить основанием для той части грандиозного академического проекта Домашнева, которая должна была быть посвящена описанию народов.

Академический проект в том виде, как его описал Домашнев, осуществлен не был. Книга же Георги переиздавалась в XVIII в. дважды, в 1795–1796 и в 1799 г., оба раза издателем был Иван Глазунов. Остановимся подробнее на этих двух переизданиях, которые содержат показательные для нашей темы прибавления.

Оба издания Глазунова были снабжены посвящением, издание 1795–1796 гг. было посвящено императрице Екатерине II, издание 1799 г. – императору Павлу Петровичу. В обоих изданиях основному тексту Георги предпослано пространное «Преуведомление» издателя. Оно представляет собой крайне интересный идеологический документ, причем «преуведомление» к изданию екатерининского царствования и к более позднему, павловскому, показательно отличаются.

После рассказа о приобретении прав на издание этого труда и гравированных иллюстраций к нему, Иван Глазунов переходит к основной теме своего «Преуведомления» – уточнению основного смысла публикуемой им книги. Он пишет: «Народы, обитающие в северных и восточных, самых крайних оконечностях и пустынях, не удобных ко введению в Европе образу жизни, яко ловцы или пастыри скитающиеся, хотя и остаются еще при своем образе жизни, но учинились уже довольно известными, а особливо при настоящем новоустроенном состоянии

¹⁵ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: В 3 ч.: Пер. с нем. СПб., 1776–1777. (Georgi, J. G., Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten, 4 Bd., SPb. 1776–1780).

¹⁶ Токарев С. А. Георги И. Г. // История русской этнографии. М., 1966. С. 103–110.

¹⁷ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: В 4 ч.: Пер. с нем. СПб., 1799. Ч. I. С. V.

Государства Российского. Живущие же в соседстве с исповедующими Христианскую веру и в умеренных странах, весьма знатно удалились от древних своих нравов средством единого подражания. Приемлющие Христианскую Веру, приемлющие и главное Российское наречие, обряд жизни, одяние и нравы, и хотя не тот час, в первом колене, учиняются и хорошими гражданами, но конечно перестают быть тем, чем были. <...> Единообразность учреждения Государства весьма премудро допomoгает сему, и исполнинскими шагами приближает грубых Народов наших к единой мете всеобщего России просвещения, соединения чудесного во едино тело и едину душу, и так сказать, сплавления во Исполнина, не колебимого сотнями веков»¹⁸. В этом кратком рассуждении, как можно заметить, издатель умело соединил все основные «этнографические» темы официальной культуры екатерининского времени. В издании 1799 г. это рассуждение практически не претерпело изменений.

Но сама идея быстрого прогресса была в «Преуведомлении» издания 1799 г. развита более детально. В подтверждение того, что прогресс идет «исполнинскими шагами», издатель теперь указывает, что ему пришлось многое в описаниях сократить «яко не существующее более», а многое и дополнить. Далее встречаем еще более интересные разночтения.

Так, там, где речь идет о том, что дикие народы еще следуют тому образу жизни, который предписан естественными законами («вмещающих в себе все естественного состояния добро и зло»), характеристики дикарей начинают различаться. Издатель, например, сообщает, что на примере разных народов, населяющих Российскую империю, можно проследить все ступени на пути от дикости к цивилизации. Это касается жилища (от «юрт и кушей» до «городов с чертогами»), и тут разночтений еще нет. Далее следует оружие. Исходно говорилось: «от пращи до стрел, лат, фузей с фитилями и замками». Впоследствии было добавлено: до «пушек со всем совершенством воинского искусства сухопутного и мореходного». После оружия исходно следовали ремесла, где значилось «от обделывания работы каменным ножом до Художника» и «от шитья жилами животных до вышивания золотом и шелками». Ко времени последнего издания прогресс видился издателю значительно более впечатляющим, здесь уже было «до изсечения изваяний, не уступающих Фидиевым», и картин, «оживотворенных рукою самого, кажется, Апеллеса». И уже принципиально новым было указание, что можно найти примеры развития «от сбивчивого понятия о себе до глубочайшего познания своих внутренних сил и способностей»¹⁹.

Вторая важная идея преуведомления, присутствовавшая в обеих редакциях, – подспудное внушаемое читателю представление о том, что империя неустанно

¹⁸ Георги И. Г. Описание обитающих, в Российском государстве, народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: В 2 ч.: Пер. с нем. 2-е изд. СПб., 1795–1796. Ч. I. С. VIII–IX.

¹⁹ Георги И. Г. Описание обитающих, в Российском государстве, народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедений и других достопамятностей. Ч. I. С. III–X.

расширяет свои границы, а потому «все еще остается, а может быть и останется всегда неописанным точно известие о многих из тех наипаче народов, которые за недостатком у них письмен, за дикостию своею, за неудобпреходимостью до них, и за другими премногими трудностями, не могут быть точно распрошены и исследованы». Поэтому автор объявляет, что книга призвана дать описание только «настоящего состояния народов» [I; X]²⁰. Описывать народы империи есть, таким образом, перманентная задача, которая никогда не будет решена: империя постоянно расширяется, границы ее всегда будут проходить по территориям неизвестным, народы, живущие там, будут постоянно подниматься выше и выше по лестнице цивилизации, а новые племена дикарей будут вступать в ряды подданных империи.

Издатель, как мы видим, не только четко определяет концепцию своего издания, но и поясняет необходимость последующих обновленных изданий этого сочинения. Почему издатель находит необходимым пояснить смысл книги Георги, более того, считает, что в издании 1799 г. следует расставить акценты значительно более определенным образом, мы в точности не знаем. Можно, однако, предположить, что он рассчитывал на какое-либо поощрение своего труда со стороны монарха, и, не добившись его первым своим изданием, решил уточнить концепцию преуведомления в направлении, которое считал «официально востребованным».

Обратимся к тексту самого Георги и попытаемся понять, что именно в книге Георги требовало дополнения и уточнения для того, чтобы заслужить поощрение императрицы, а в последнем издании – императора.

Георги делит свое сочинение на четыре части – в первой он описывает финские народы, во второй – татарские, в третьей – народы «особенные и донные еще не решенные о принадлежности», в основном сибирские, наконец, в четвертой – монгольские народы, жителей Кавказа, немцев и других европейцев, поляков, козаков и россиян. – «народ, владышествующий во всей Российской империи» [I; XIII–XIV].

Описание каждой группы и каждого отдельного народа Георги начинает с короткого концептуального введения, в котором старается определить уровень «цивилизованности» каждого народа. Читатель, таким образом, заранее знает, как оценить те или иные экзотические сведения, которые будут приведены автором далее. То есть все оценки в книге вполне определены, читатель ждет их, и, во замысле автора, должен им следовать. Следует отметить при этом, что описания Георги (как и его предшественников, чьими материалами он пользуется), далеки от идеализации и менее всего следуют схеме описания «благородных дикарей». Так, Георги называет жителей российских окраин «зверообразными», говорит, что на них «гадко и смотреть», что «стрепня у них мерзкая», души «тугие и унылые», а любовь походит «на скотскую» [I; 48, 71, 67, 74]. То есть Георги не со-

²⁰ Здесь и далее все выдержки из сочинения Георги будут даваться с указанием части и страниц по третьему изданию (СПб., 1799), которое является самым полным переводом с немецкого языка.

мневается и не пытается скрыть, что объектом его описания в большинстве случаев становятся дикари, они нечистоплотны, ленивы, равнодушны к богатству и достижениям цивилизации, часто предпочитают лук огнестрельному оружию и зубы ножу, пугливы и не любят покидать родные места и, как это вообще характерно для дикарей, склонны к меланхолии. Более цивилизованные народы, особенно если они занимаются земледелием, трудолюбивы, среди них попадаются зажиточные семьи и искусные ремесленники.

Одна характеристика, однако, особенно занимает Георги: большинство народов в его описании не знают своей истории, а в целом ряде случаев, понятие прошлого у них отсутствует вовсе. Это определяется тем, что «счисление времени их простирается только на нынешнее, да на недавно прошедшее время. Бывшие же давно происшествия определяют они по человеческой жизни» [I; 156]. И именно отношение народа к своему прошлому Георги описывает, в отличие от повседневного быта или хозяйственной деятельности, как процесс крайне динамичный. Динамика при этом вовсе не означает бурной цивилизации (как можно было предположить по чтении «Преуведомления»), напротив, динамические характеристики связаны с утратой исторической и культурной памяти, которая разрушается буквально на глазах наблюдателя-этнографа.

Наиболее настойчиво Георги говорит о разрушении национальных языков. Языки, которые описывает Георги, как правило примитивные и грубые. Так, например, черемисы из-за грубости своего языка, поют крайне «нескладно», а лопари «все слоги произносят <...> столь жестоко, что пение их, по сей причине, бывает подобно вою и лаю наипротивнейшему». Нескладность и грубость языка может приводить к тому, что сами его носители разбирают смысл того, что говорится, с трудом, и «слушающие пошевеливают устами так точно, как и те, кои действительно разговаривают». Языки так примитивны, что в некоторых из них отсутствуют даже женские имена, и до замужества «девушки не редко бывают и безмянны» [I; 29, 4, 73].

Но главное наблюдение Георги состоит в том, что языки описываемых им этнических групп имеют тенденцию к распылению на более мелкие наречия и смешению с другими, как родственными, так и значительно отличающимися от них языками. Те же лопари, например, говорят на языке, «заимствующем начало свое от финского». Но при этом в их языке существует столько наречий, «что и сами лопари с трудом всех своих одноплеменных слова разумеют». Чуваши (и, заметим, большинство из них христиане с петровских времен) «очень много язык своей смешали с татарским». Как и чувашский, язык мордвы «весьма с татарским перемешан» и «наречия так между собою разнятся, что походят на два особливые языка». Наконец, у туралинцев нет «порядочных школ», а потому «мало по малу пришло у них в употребление особливое, дурное и со многими российскими и вогульскими словами перемешанное наречие» [I; 4, 35, 42; II, 25].

Но особенно заметно распыление языков на Кавказе. Язык местного населения здесь разделится на такое количество мелких наречий, что даже небольшие деревни уже говорят на своем отдельном языке. Георги пишет: «Вероятно кажется, что языки и наречия умножились тут от усилившегося невежества <...>, также

от испорченного выговору слов изо всего горла, чрез что делаются они так нескладны, что иных буквами нашими и выразить никак не можно, а отчасти может быть и от нарочитой порчи слов, в воровском или ином каком намерении, таким же почти образом, как делают цыганы, выговаривая слова на изворот, переставляя буквы» [II; 67]. Причиной разрушения языков, как мы видим, является по мнению Георги, во-первых, отсутствие письменности и школьного образования; язык «диких» народов, таким образом, обречен на то, чтобы быть разрушенным. Во-вторых, эта ситуация усугубляется злонамеренными происками самих «дикарей», которые портят свой язык с «воровским» намерением.

Отсутствие письменности, по Георги, естественно, ведет к утрате «преданий», рассказов о прошлом того или иного народа. Так, черемисы «за неимением букв», не имеют «ни письменных, ни печатных дел», а потому нет у них и «преданий о бывших с предками их приключениях»; такая же ситуация у чувашей, которые «не знают ни грамоты, ни букв». Отяки, которые тоже не знают грамоты, помнят только на десять лет назад, а потому «скоморохи их поют и играют больше по своей выдумке, и следовательно почти все у них новое» [I; 26, 35, 67, 73]. Способность составлять песни или даже импровизировать соотнесена у Георги с новизной культуры, и, соответственно, с дикостью.

Отсутствие исторической памяти, однако, вовсе не означает отсутствия исторического прошлого: народы, которые у Георги поют «новые» песни, являются народами древними. Качинские татары, например, «страною своею <...> владеют с давних лет, до коих и бытописание о сих местах не простирается». Об этом свидетельствуют развалины, по соседству с которыми они живут. «Попадают, — пишет Георги, — разные признаки горных работ и плавильных заводов древних людей, также множество старинных отчасти богатых могил и курганов. Невероятно кажется, чтобы в разрабатывании гор упражнялись <...> их предки». Тем не менее, «могилы присвоят кеченцы своим предкам», а вот древнее искусство «горных работ» они забыли бесследно. Точно так же о древней цивилизации отяков и «благополучном старинных жителей состоянии» свидетельствуют «остатки древних сей северной страны городов» [II; 149; I; 67].

Вместе с памятью о своей истории, народы утрачивают и социальную иерархию, которая у них некогда была. У лопарей, например, она исчезла во времена шведского владычества, и «теперь нет у них и памяти дворянских семей». Черемисы некогда «имели собственных ханов, будучи уже и под Российскою державою, но поколение оных пресеклось <...> и теперь нет у них ни князей, ни дворян». Дворянские семьи «давно уже перевелись» у мордвы, а у отяков «ханские и прочие дворянские семьи» отчасти «перевелись», а отчасти «вышли из чести» [I; 3, 26, 42, 48].

Вопреки представлению о том, что народы Российской империи, отходя от дикого состояния, покидают «звероловство» и кочевой образ жизни, оседают и обращаются к земледелию (вспомним, хотя бы, «степи заселенные» в письме Потемкина), Георги полагает, что процесс этот может идти как в одном, так и в другом направлении. Так, черемисы у него «сделались, подражая россиянам, и по причине стеснения мест, земледельцами». Латыши, напротив, некогда были зна-

мениты своими навыками земледелия, и даже название получили от слова «лиде, то есть удобрять землю». Однако, «от помещиков угнетение» привело к тому, что они стали «печальны», «упрямы, ленивы, неопрятны», «грязны» (то есть обрели признаки, которые Георги связывает с отсутствием цивилизации), и, как результат, утратили издревле известную им высокую культуру обработки земли [I; 26, 20–21].

Вместе с языком, исторической и культурной памятью, народы, населяющие Россию, утрачивают и память конфессиональную. Примеры смешения вер можно найти у Георги в описании почти каждого народа: многие из них приняли христианство, но продолжают поклоняться идолам. Но в ряде случаев по своей дикости они не только смешивают, но и начисто утрачивают веру, причем как старую, обычно языческую, так и новую, христианскую.

Народы, населяющие Кавказ, являются здесь особенно ярким примером. «В делах, до веры касающихся, — пишет о них Георги, — чрезвычайно незнаючи, и о законе своем и сами недоумевают, а потому и есть у них много признаков христианской веры, но не меньше и языческого суеверия». В Черкесии «веру греческого исповедания» ввели еще «грузинцы и царь Иван Васильевич», но теперь «остались от нее одни только признаки старинных обвалившихся церквей и согнивших на кладбищах крестов», а народ «не имеет у себя почти никакой веры». «Купно со всею Грузиею» приняли христианство и осеты. «Но, — добавляет Георги, — при общей необузданности народа, вера сия у них почти истребилась, и видны только одни следы прежних церквей; новой же веры они никакой не приняли» [Георги 1799 II, 73, 55, 50, 53]. Получается, что как и в случае с языком, вера не столько недоступна народам по их дикости, а, напротив, дикари разрушают ее сами, в одних случаях произвольно, но иногда и преднамеренно.

Одну из наиболее ярких характеристик Георги дает народу, который он называет «тептери». Тептери произошли от смешения всех возможных сибирских народов. Этот народ состоит из «... сволочи, которая в половине шестогонадесят столетия, по случаю причиненнаго царем Иоанном Васильевичем Казанскому царству разрушения, собралась из черемисов, чуваш, вотяков и татар, в Урале <...>. Сии люди, употребляя разные, по не одинаковой своей природе, языки, и при том, будучи между собою различны в нравах, а отчасти и вере, перемешались <...>, так что иногда и нарочито трудно дознаться, от какого происходят они племени. Они служат доказательством в новейшие времена тому, что при государственном смятении могут новые народы и новые поселения получить свое бытие» [I; 58]. Тептери, как мы видим, действительно произошли от «соединения» разных народов в один. Картина эта во многом напоминает то, о чем издатель писал в уведомлении, — «соединение чудесное во едино тело и едину душу, и так сказать, сплавления во Исполина», за тем только исключением, что вместо «россиян» в результате этого процесса произошел народ, который Георги характеризует как «сволочь». На основании того, что Георги пишет о тептерях, можно определенно говорить, что он рассматривает процессы, в результате которых «новые народы» могут получить «свое бытие» как неготовивные. В контексте же всего

труда видно, что такие процессы ведут, по его мнению, как раз не к просвещению, а к одичанию народов.

Весь дух книги Георги, таким образом, противоречил и официальной концепции развития народов, населяющих окраины империи, в целом, и «Преуведомлению» ее издателя, в частности. В то же время, для самого Георги его книга, конечно же, является только объективным описанием сделанных им и его коллегами наблюдений. Концепция разрушения культурной памяти не эксплицирована в книге, и, скорее всего, она не была осознана автором как последовательная система убеждений. Именно потому, видимо, он ее вовсе не скрывает, и конечно же, не видит в своей позиции ничего, что противоречило бы заявлениям издателя.

Приведем еще один пример «этнографической» концепции, автор которой, как и Георги, отразил с своим сочинением тот факт, что развитие «народов» идет вовсе не по пути просвещения и прогресса. В 1792 г. было впервые издано «Путешествие Ак. П. Озерцковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя» (второе издание вышло в 1812 г.). Большая часть этой книги посвящена описанию быта и нравов местного населения — финнов, чухонцев, карелы, суми и ями. Главное, что отличает Озерцковского от Георги, это то, что он описывает территории, близкие к Петербургу, и всякий читатель без особого труда и больших затрат, может это путешествие повторить. Кроме того, это собственные наблюдения автора, сделанные непосредственно перед публикацией книги, Озерцковский рассказывает о путешествии со всей подробностью, описывая деревню за деревней, упоминает постоянные дворы и местных священников, так что само повествование производит впечатление абсолютно достоверного отчета о виденном. При этом, однако, рассказ Озерцковского оказывается крайне концептуальным, и многое в его повествовании воспроизводит концепцию, построенную Георги.

Все местные народы в регионе, где путешествует Озерцковский, — христиане, но служба в их церквях идет на русском языке, а русского языка никто не понимает. Священники местных церквей «толкуют» Священное писание на языках своих прихожан, но этого, конечно, не достаточно для настоящей веры. Из-за языкового барьера, как полагает путешественник, местное население все еще продолжает поклоняться священным камням.

Чухонцев, финнов и карелу Озерцковский почти всегда описывает в сравнении с русскими мужиками. Так, если русские деревни всегда находятся на открытых местах, дома выстроены здесь по порядку, во всем видно довольство и точность, то «этническое» население живет «в высоком и густом лесу <...> некоторые вообще предпочитают жить в глуши, так что без указателя не скоро их там и найти можно», дворы у них расставлены «по-чухонски», то есть беспорядочно. Если русские и чужь работают в одной общине, то чужь всегда бывает под началом русского мужика²¹.

Но главное, что отличает, например, чухонцев от русских — это то, что «народ сей о будущем весьма мало печется», а неудачи совсем их не учат, они не умеют

²¹ Путешествие Ак. П. Озерцковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. 2-е изд. Спб., 1812. С. 52. 42.

собирает и передавать из поколения в поколение повседневный хозяйственный опыт. Приведем только три примера.

Недалеко от устья реки Влоги Озерцовский был свидетелем удачной рыбной ловли, «где чухонцы раза с три потянули весьма разодранный неводишко, и при всем нерадении по многу вытаскивали». Такое изобилие, полагает наблюдатель, заставило бы любого промышленника продолжать ловлю «в такую пору, когда много рыбы в реке показалось». «Но беспечные сии люди, – сокрушается путешественник, – изловя оной на варово, бросили на берегу свой бердень, и ушли в свои хижины. <...> От сего, может быть, они и бедны?»²².

В другом случае Озерцовский был поражен тем, как беззаботно относятся местные жители к судьбе своего скота, разводить который, по причине близости столицы, крайне выгодно. Но чухонцы почти не получают прибыли, потому что несут большие потери из-за медведей и волков. «В Тайболе, – пишет путешественник, – при мне случилось, что волки возле самой деревни съели жеребенка, который, по обыкновению чухонцев, на ночь оставлен был в лесу». И это «часто с ними случается», но чухонцы не пытаются бороться с хищниками, также, как они и не меняют своих привычек и продолжают оставлять скот на ночь в лесу²³.

Наконец, как указывает путешественник, хлеб в этих местах «родится очень хорошо», но местные жители, не смотря на то, что довольно часто вынуждены голодать, земли обрабатывают очень мало – у них «не достает на то смысла», а «леность» их усыпляет²⁴.

Свои наблюдения Озерцовский подытожил в самом конце своего описания, где он рассказывает про ученых медведей, которых ему пришлось неоднократно наблюдать во время путешествия. По его наблюдениям, медведи очень быстро перенимают человеческие движения и выучивают команды. «Как близко, – удивляется Озерцовский, – расстояние от ученого медведя к необразованному человеку!» Более того, медведь за свою короткую жизнь может выучиться очень многому, а многие люди учатся без успеха всю жизнь, которая много длиннее медвежьей. «Вероятно, – добавляет автор, – что все медведи рождаются с одинаковыми способностями, а люди с разными»²⁵. Конечно, рассуждение о медведях вовсе не относится к числу заметок Озерцовского-натуралиста. Это суждение подводит итог «этнографическим» наблюдениям путешественника: разные народы рождаются с разными способностями, и ни вера, ни просвещение, ни соседство с теми, кто умеет хранить и передавать из поколения в поколение трудовые навыки, не могут изменить врожденных способностей людей, принадлежащих к той или иной этнической группе.

Дистанция между читателем и тем, что описывает автор, как уже было отмечено, максимально сокращена: все описываемое происходит «сейчас», в начале 1790-х гг., и «здесь», не где-то в Сибири, а рядом с Петербургом. То есть «дикари» живут совсем недалеко от столицы, и быт их не только не демонстрирует рас-

²² Там же. С. 38–39.

²³ Там же. С. 52–53.

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Там же. С. 518–519.

пространения просвещения «исполинскими шагами», но отсутствие способности хранить и передавать культурные и хозяйственные знания препятствует любому прогрессу.

«Этнографическая» концепция прямо связана с традициями русской историографии. Одним из основных вопросов, к которому на протяжении XVIII в. снова и снова обращались историки, был вопрос о происхождении россиян как этнической группы. Татищев в своих исторических трудах отстаивал представление, которое позднее взяла на вооружение и Екатерина II, о том, что россияне произошли от смешения различных народов, и процесс этот продолжается еще в XVIII в.: все новые и новые народы становятся россиянами. Ломоносов и его последователи, напротив, говорили о том, что смешение народов принципиально невозможно, и что история россиян как народа – это история расселения и вытеснения на окраины древнейших обитателей будущей территории Российской империи²⁶. Этнография, как мы видим, питалась идеями, которые были связаны с позицией Ломоносова. Она, конечно, противостояла прославлению быстрого просвещения и развития «народов» в границах империи, но, в то же время, это была концепция русоцентричная: народы дичают вопреки всем усилиям правительства, и только русские сохраняют признаки цивилизованности и идут по пути просвещения²⁷.

«Этнографическая» концепция имперского развития, как мы видели, оказалась довольно устойчивой к воздействию идей официальной идеологии. Такой своеобразный «герметизм», непроницаемость «этнографического дискурса» в XVIII в., представляется одной из самых ярких ее черт, и резко отделяет ее, например, от «дискурса историографического».

²⁶ Погосян Е. Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780-х гг. // Россия – Russia. М.–Венеция, 1999. Вып. 3 (11). С. 3–12.

²⁷ На эту концепцию уже во время ссылки резко отреагировал Радищев в своих записках о Сибири, показав, что «одичание» народов, живущих в Российской империи, является процессом, в который вовлечено и русское население Сибири (Погосян Е. Ненаписанное «Путешествие» Радищева // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятыне Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 67–79.).